

МАРИЯ
КРЕСТОВСКАЯ

АРТИСТКА

Fiction

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К80

Автор идеи серии *Наталья Артёмова*

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Виктории Лебедевой

Крестовская М.

К80 **Артистка** : роман / Мария Крестовская. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 720 с. (Из жизни благородных девиц).

ISBN 978-5-389-31981-3

Когда-то Оленька Леонтьева была скромной гимназисткой в строгом суконном платье, теперь же она известная актриса, которой рукоплещет московская публика. Таланту Леонтьевой завидуют другие артистки, а билетов на ее спектакли просто не найти. Вся жизнь Оленьки — самозабвенное служение Мельпомене.

Отвергая ухаживания многочисленных поклонников, она опрометчиво влюбляется в мужчину, совершенно далекого от мира искусства — петербургского чиновника, который не привык показывать своих чувств.

И как бы Оленька ни старалась совмещать любовь и театр, ей придется сделать выбор. Горький выбор, который разобьет не одно сердце.

Читая «Артистку» Марии Крестовской, словно подглядываешь из-за кулис за восхитительной игрой популярной актрисы XIX века. Но игра эта правдивее самой жизни, настолько искренней и волнующей кажется эта книга. Так рассказать о своей героине, ее чувствах и мучительных решениях могла только женщина, испытавшая столь же сильную любовь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-31981-3

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Часть первая

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

А. С. Пушкин

Cette divine scélérateuse, qui fait le génie.

Cherbulie¹

I

Утром Чемезов получил от сестры, Елены Николаевны Олениной, следующую записку: «Милый Юрий, не хочешь ли ты поехать с нами сегодня в театр, так как Аркадий отозван на винт и не может сопровождать нас. Я знаю, как ты недолюбливаешь подобных просьб, но сегодня бенефис Степанова, и идет “Мария Стюарт”, с московской Леонтьевой, которую, думаю, даже и тебе будет интересно посмотреть. Во всяком случае, если ты опоздаешь приехать к обеду, то приезжай хоть в театр, бенуар № 4».

---

¹ То божественное зло, являющееся гением. Шербюлье (*фр.*).

Прочитав эту записку, Чемезов в первую минуту остался ею очень недоволен.

У него самого было пропасть спешной работы, но и отказать сестре, очень редко обращавшейся к нему с подобными просьбами, тоже не хотелось, а потому, хотя и нахмурился и сердясь на нее в душе, он все-таки же ответил, что постарается быть.

«У Аркадия какой-то глупый винт, — думал он с раздражением, — и потому он может не ехать, а у меня на этой неделе два серьезных заседания, к которым нужно хорошенько подготовиться, и я должен все бросать и лететь в театр только потому, что Аркадию Петровичу желательно в винт играть! Удивительно логично!»

Когда Чемезов занимался какой-нибудь важной работой, то терпеть не мог, чтобы его отрывали и мешали ему, а особенно такими пустяками, какими ему казался спектакль. Он страстно любил свое дело и работу над ним, но тем не менее всегда, когда ему приходилось заниматься усиленно, он утомлялся, делался нервен, раздражителен, и потому невинная записка сестры — пришедшая как раз в то время, когда у него стояли на очереди разные сложные вопросы и были бумаги, покончить с которыми надо было наивозможно скорее, — совсем испортила его настроение. Чемезов позавтракал дома, пред тем как идти на службу, наскоро и неохотно, думая все время о предложении, которое хотел внести в следующем же заседании; он знал заранее, что оно вызовет много споров и несогласий, но, соображая, как предварительно набросать свой проект, он вспоминал опять с раздражением, что сегодняшней вечер ему не придется заняться, потому что нужно ехать в этот глупый театр.

«И почему именно сегодня? — думал он с неудовольствием. — Разве не могли выбрать другого дня!» Но тут он вспомнил, что сестра что-то писала ему о чьем-то бенефисе и о какой-то московской знаменитости, но о какой и что именно — припомнить не мог, потому что прочитал записку наскоро и невнимательно, поняв из нее только самое неприятное для себя, то есть то, что его не вовремя отвлекали от дела.

Чемезов перечитал записку, и незамеченное им прежде имя Леонтьевой несколько смягчило и даже приятно удивило его. Он знал, что Леонтьева считается любимицей Москвы, и слышал о ней очень много, но видеть ее на сцене ему еще не доводилось, несмотря на то что во времена его студенчества, когда он еще жил в Москве, он был страстным поклонником ее отца и часто бывал у них в доме, так как был очень дружен со старшим сыном старика Леонтьева, Сергеем, его товарищем по университету.

С тех пор прошло почти двенадцать лет; он давно переехал в Петербург, мало-помалу совсем отвык от театра и потерял Леонтьевых из виду, лишь изредка, стороною слыша о них что-нибудь. Но воспоминания обо всей этой семье, которую когда-то он очень любил и до сих пор хорошо помнил, навсегда оставили в нем самое хорошее впечатление, — впечатление чего-то бесконечно милого, сердечного и простого.

— Ну, нечего делать, поедем посмотреть Ольеньку Леонтьеву! — сказал он себе уже в гораздо лучшем настроении и даже не без удовольствия подумал о предстоящем спектакле, что с ним случалось теперь очень редко.

Он вышел из дому и пошел на службу пешком, думая дорогой уже не о Леонтьевых и спектакле, за-

нявших его на минуту, а опять о разных делах, интересовавших и тревоживших его, как вдруг неожиданно окликнул его Илья Егорович Стороженко, один из его сослуживцев и приятелей.

— А! Илья Егорович! — воскликнул Чемезов, увидя его. — Откуда это вы так подкрались?

Илья Егорович был высокий, могучий толстяк, с розовым, благодушным лицом; Чемезов очень любил его за то лениво-добродушное, хохлацкое остроумие, которым дышала вся его плотная фигура.

— Да все, батюшка, оттуда же, из дому! — сказал Илья Егорович, здороваясь с Чемезовым на ходу и тяжело дыша от непривычной для него скорой ходьбы.

— Ну, нам с вами по дороге, значит; вы ведь в департамент? — спросил его Чемезов. — Только что это вы сегодня пешком? Ведь вы этого, кажется, недолюбливаете.

— Да что, батюшка, ничего не поделаешь! Жена уж на извозчиков перестала выдавать, да и мои-то деньги нарочно все от меня отобрала: ходи, говорит, пешком, а то совсем ожиреешь! Нельзя, батюшка, доктора прописали, вот и путешествую теперь по образу пешего хождения!

Чемезов с удовольствием смотрел на розовое, сияющее здоровьем и добродушием лицо Ильи Егоровича, который почему-то всегда одним уже своим благодушным видом имел способность приводить его в хорошее расположение духа.

— А меня, батюшка, — сказал, все еще тяжело дыша, Илья Егорович, — жена и дочери тащат Леонтьеву сегодня смотреть!

— Ну что вы! — смеясь воскликнул Чемезов. — Значит, мы с вами одной участи подверглись! Вас жена, а меня сестры. Что же, едете?

— Да нельзя не ехать, жена говорит — событие!

— Разве уж и событие? А мне, признаться, не хотелось: работы множество.

— Напрасно, батюшка, напрасно! Событие-то оно хоть и не событие, ну а все посмотреть следует. Я-то, положим, ее уж не раз видал, ну а все, каждый раз, как в Москву попаду, не вытерплю, сбегаю посмотреть ее! Ведь это, батюшка, покойника Льва Леонтьева дочка! Его-то, я полагаю, вы хорошо помнить должны: ведь он еще жив был в то время, как вы в Московском-то университете премудростям обучались!

— Да как же, мы с его сыном товарищами были, я у них в доме чуть не каждый день бывал, и Оленьку-то эту еще подросточком помню!

— Ну, вот видите, по всем статьям, значит, ехать следует! — подтвердил опять Илья Егорович. — Я старика-то тоже лично знавал, мы с ним и выпивки изрядные даже не раз учиняли, — он и на это большой талант имел! Я и у Обуховых-то, сказать правду, поэтому больше бывал.

— У каких Обуховых? — удивился Чемезов.

— Да у нашего Петра Георгиевича-то! Ведь он тоже на одной из дочерей его женат.

— Да что вы! — Чемезов этого не знал и даже не слышал никогда, и насколько знал Леонтьевых и Обухова, не понимал, как это могло случиться.

— Да на которой же? — спросил он с недоумением.

— На старшей, на Глафире!

Чемезов прекрасно помнил эту Глафиру, тогда высокую, видную девушку лет двадцати, но тем более это поражало его.

— И давно он женился?

— Да как вам сказать... лет десять, должно быть, уже будет, пожалуй!

— Ну, это уже после моего отъезда из Москвы, но странно, что я об этом никогда не слышал даже!

— Э, батюшка, — сказал Илья Егорович, смеясь и лукаво подмигивая глазом, — они об этом не очень-то распространяться любят. Чины, знаете, уж больно разные: одна — генеральша, а другие — все актеры да актрисы, так одно к другому и не подходит как-то. Ну, на спектакле-то сегодня, вероятно, все-таки будут, этим они удостаивают; вот поглядите их — они, я вам доложу, прелюбопытные субъекты!

Чемезов засмеялся: ему вдруг живо представилась внушительная фигура Петра Георгиевича Обухова, с его физиономией настоящего действительного статского советника, и, с другой стороны, полуартистическая-полумещанская семья Леонтьевых, и брак их невольно показался ему таким нелепым и курьезным, что он тут же решил непременно как-нибудь при случае побывать у Обуховых, чтобы и на Глафиру посмотреть в ее теперешнем виде, да и об остальных Леонтьевых, воспоминание о которых вдруг ожило в нем, узнать от нее что-нибудь.

— Так генеральшей стала? — переспросил он смеясь.

— Как же, как же, и еще девяносто шестой пробы даже: ведь он на днях тайного получил; может, слышали?

— Слышал, как же! Ах да, кстати, Илья Егорович, вы мне бумагу о Сергееве приготовили?

— Вот в портфельчике ее и несу! Весь вечер вчера просидел, даже в винт не играл!

— Ну и отлично, а она мне сегодня понадобится, верно! — И, разговаривая таким образом, они подошли к огромному казенному зданию, где помещался их департамент. Увидев их, швейцар поспешно распахнул пред ними двери, а курьеры, почтительно сгибаясь, бросились снимать с них шубы.

Раздевшись, Чемезов прошел прямо в свой кабинет, торопливо кланяясь по дороге с встававшими при его входе другими чиновниками, и, отдав курьеру приказание принимать постороннюю публику только после двух часов, сам поспешно сел за чтение многочисленных телеграмм и писем, уже лежавших на его письменном столе.

II

В продолжение дня у Чемезова было много разных посетителей, с которыми ему пришлось возиться и объясняться, и к пяти часам он уже начал чувствовать то легкое раздражение и утомление, которое за последнее время все чаще стало являться у него в подобных случаях и которого раньше он никогда не замечал в себе.

Когда он пришел к сестрам, Елена Николаевна очень обрадовалась ему.

— Ах, какой ты милый! — сказала она, вставая ему навстречу. — Ты даже и обедать пришел, а я боялась, что ты, пожалуй, и в театр-то не поедешь!

Он нежно поцеловал ее в лоб и руку с тем особенным чувством любви и уважения, с которым всегда целовал ее, и признался, что раньше ему действительно очень не хотелось ехать, но потом вспомнил, что

знал эту Леонтьеву еще девочкой, и решил — так уж и быть, — прибавил он смеясь, променял на нее работу.

— Да, — сказала Елена Николаевна, — это уж стыдно было бы не поехать посмотреть ее, когда есть к тому возможность. Ты не знаешь, ведь мы билеты просто чудом каким-то достали, — все уже раньше было разобрано!

— А где же Зина? — спросил Чемезов, оглядываясь и не видя нигде младшей сестры.

— Она с Мери у меня в комнате, — сказала Елена, не глядя на брата. — Я Мери тоже пригласила к нам в ложу, — прибавила она вскользь.

— А! — рассмеялся Чемезов, пытливо взглядывая на нее. — Так вот отчего и меня-то понадобилось тащить!

Елена Николаевна тоже рассмеялась и слегка покраснела.

— Да нет же, это, право, случайно вышло, — сказала она, как будто в чем-то оправдываясь. — Я Мери еще третьего дня пригласила, а с тобой это все Аркадий напутал! Сначала сказал, что не может ехать, а теперь прислал сказать, что Ларины сами едут и винт отменяется.

Но, видя, что брат все-таки продолжает глядеть на нее с недоверчивой улыбкой, она опять засмеялась своим приятным, мягким смехом и, взяв его под руку, увела в свой будуар.

Елена Николаевна была всего лет на пять моложе брата. Лицами они почти не походили друг на друга, но фамильное сходство в чертах, манерах, голосе и, главное, в характерах было между ними очень большое.

Она — изящная, красивая, но слегка уже располневшая женщина, с мягкими, вьющимися, гораздо бо-

лее темными, чем у брата, волосами и со спокойным, симпатичным выражением в лице, прекрасно освещавшемся лучистыми приветливыми глазами.

Чемезов очень любил обеих сестер, но любовь его к каждой из них была разная.

Между ним и Еленой с детства еще завязалась тесная дружба; с годами дружба эта окрепла и к ней прибавилось еще чувство глубокого уважения друг к другу.

Живя одиноким холостяком, хотя по натуре будучи семьянином, Чемезов привязался к семье сестры и любил ее детей чуть не больше ее самой, а это, в свою очередь, трогало и привязывало ее к брату.

Отношения же его к младшей сестре были совсем иные. К ней он не чувствовал ни той дружбы, ни того уважения, какие вызывала в нем старшая сестра. Он глядел на нее просто, как на дорогого ему ребенка, которого любил иногда подразнить, иногда пожуричь, иногда побаловать и приласкать, но на которого нельзя еще было смотреть серьезно. Но в глубине души, бессознательно для себя, любил ее еще больше, чем Елену, и, быть может, именно за те самые качества, которых не хватало в его собственной натуре и которыми так щедро была наделена Зина.

В сущности, для обеих сестер брат был семейной гордостью, почти божком; но живая, откровенная и увлекающаяся Зина не стеснялась открыто, с наивной доверчивостью, признаваться в обожании брата и ему, и всем другим, тогда как сдержанная и сосредоточенная в себе Елена Николаевна глубоко чувствовала это в душе и очень редко говорила о том вслух. Они с братом оба были натуры несколько замкнутые, расположенные сильнее чувствовать, чем выска-

зываются. Ее любовь не была такою экзальтированной, как у семнадцатилетней Зины, но она с глубоким убеждением преклонялась пред его умом, характером, душой и радовалась каждому его успеху и удаче больше, чем своим собственным.

Елена Николаевна была страстная, убежденная семьянинка, находившая все свои радости и счастье в семье и всей душой желавшая для своего любимого брата того же самого. Она знала, что он очень привязан к ее дому и проводит в нем почти все свое свободное время, но невольно чувствовала, что одной ее семьи все-таки еще недостаточно и что ему необходимо иметь свою собственную, которая наполнила бы ему жизнь и создала бы собою цель, для которой стоило бы жить и трудиться. Мысль эта стала особенно тревожить ее теперь, когда брату ее уже стукнуло тридцать пять лет, а он, поглощенный своей службой, все еще не выказывал ни малейшего желания осуществить ее мечты.

Его быстрые успехи по службе, конечно, очень льстили ей, но в то же время ей казалось, что в таких условиях жизни он поневоле преждевременно старится и утомляется. Порой она почти уже не узнавала в этом раздражительном, утомленном, осунувшемся человеке своего прежнего милого Юрия, всегда оживленного, веселого, на все отзывчивого, — и тогда она невольно начинала обвинять во всем этом его службу, бравшую у него слишком много времени и здоровья; для нее как для женщины эта служба не имела такого глубокого смысла и значения, которые придавал ей сам Чемезов.

Инстинктом женщины Hélène понимала, что отвлечь его от службы и вместе с тем оживить его самого и разнообразить несколько его жизнь может толь-

ко женщина, но сколько она ни присматривалась — за последние годы она не встречала ни одной, которая бы так или иначе играла какую-нибудь роль в его жизни. Да этого она и не желала совсем, потому что в принципе, а принципы у нее, как и у брата, были раз навсегда строго выработаны, и ими она не любила поступаться даже в мелочах, она не одобряла безрассудных увлечений и романов, а еще менее одобряла тех женщин, которые шли на такие романы. Подобных женщин Елена Николаевна считала прямо вредными и вовсе не желала, чтобы ее брат так или иначе столкнулся с ними.

Она желала для него хорошую, умную, любящую жену, которая согрела бы и осветила бы всю его жизнь.

Ей не раз уже доводилось слышать, что многие находят Чемезова сухим и черствым карьеристом, который думает только о себе и о своей карьере, и ничто не могло так взволновать и рассердить ее, как подобный отзыв о нем. Она знала его душу и сердце лучше, чем кто-нибудь; знала, что все это неправда, и с глубоким негодованием протестовала против этого. Сама она была глубоко убеждена, что натура Юрия даже слишком привязчива и что, раз серьезно полюбив, — он весь отдастся той женщине, которую полюбит, и из него выйдет один из тех редких семьянинов, которые готовы все отдать в жертву своей семье.

Но Чемезов не хотел слышать ни о какой женитьбе и вообще как будто избегал женщин. И вот Елена Николаевна решила сама женить его; и с тех пор, как она это решила, она стала с особенным пытливым вниманием присматриваться ко всем знакомым ей девушкам, приискивая между ними наиболее под-

ходящую для него жену. Но хотя лично ей нравились многие, зато сам Чемезов так неохотно и туго поддавался ее проектам, что у нее поневоле опускались руки и пропадала энергия.

Между ними по этому поводу происходили даже не совсем приятные объяснения, и наконец, он прямо, хотя и мягко, но решительно попросил ее не браться больше за подобные планы, если она не хочет ссориться с ним.

— Я никакой склонности к женитьбе не чувствую и, по всей вероятности, не женюсь никогда! — сказал он ей раз в заключение, с сильным неудовольствием в голосе.

Елена Николаевна прекрасно знала, что если Юрий сказал что-нибудь так решительно, то это будет уже твердо. Но и она была так же тверда в своих намерениях, и тем более в таких серьезных, а потому решила временно отложить этот вопрос и, никого больше ему не навязывая, действовать так, чтобы желание жениться уже само собой бы зародилось в его голове; а она будет только постепенно и незаметно способствовать именно подобному зарождению.

Так прошел год, и Чемезов уже начал было думать, что сестра благоразумно отказалась наконец от своих прежних мечтаний.

В это самое время Елена Николаевна познакомилась с Мери Столениной. Из всех знакомых ей девушек Мери, несомненно, была самая подходящая: из прекрасной семьи, хорошо воспитанная, не чересчур молодая — ей шел уже двадцать третий год, — она невольно привлекала к себе внимание своей изящной, немного бледной, но породистой красотой. Мери была сирота (что тоже было хорошо, потому что тещи не всегда бывают приятны) и жила у своей стар-

шей замужней сестры, баронессы Баумгартен, светской умной женщины, но состояние имела отдельное и вполне независимое от родных. Последнее обстоятельство не было, впрочем, главным вопросом в тех требованиях, которые Елена Николаевна предъявляла своим будущим золовкам, но все-таки это было далеко не лишнее, тем более что сам Чемезов жил исключительно на свое жалованье — правда, теперь уже очень хорошее, но все-таки еще не вполне достаточное для комфортабельной семейной жизни.

Елена Николаевна заранее предчувствовала, что из Мери выйдет отличная жена и мать, и тем более, что Чемезов ей, очевидно, сильно нравился. И, стараясь на этот раз ничем не выдать брату своих видов и не испортить тем дела, Hélène с присущим ей тактом, постепенно, бесконечными и неуловимыми маленькими женскими хитростями, стала двигать это большое дело.

Против обыкновения, оно пошло довольно удачно, особенно за последнее время. По крайней мере, Чемезов, всегда очень на этот счет подозрительный и страдавший тем особенным, свойственным только мужчинам страхом, который является у них, когда они замечают, что их «ловят», — теперь молчал и не выказывал никакого раздражения, как то бывало прежде. Он даже довольно охотно позволял сестре устраивать случайные как будто встречи и свидания его с Мери, а главное — очень охотно разговаривал и смеялся с этой Мери, и хотя от всех сколько-нибудь серьезных намеков сестры отделялся шутками, но так как он уже не хмурился больше и не сердился, то Елена Николаевна горячее, чем когда-либо, принялась за дело и уже мечтала, что на этот раз планам суждено наконец осуществиться.

III

Нелёне провела брата в свой будуар, где уже сидели, разговаривая о чем-то, подружившиеся за последнее время Мери и Зина. Увидев входящего Чемезова, Мери чуть-чуть покраснела, и глаза ее радостно вспыхнули, но сейчас же опять потухли, и с самой официальной улыбкой, какой улыбаются вообще всем знакомым, она поклонилась ему, спокойно позволив пожать свою длинную, тонкую, прекрасную ручку.

Зина радостно вскрикнула и, стремительно вскочив с кресла, бросилась на шею к брату, звонко, совсем еще по-детски, расцеловав его в обе щеки.

— Вот уж не ожидала, что ты даже и к обеду поедешь! — воскликнула она с восторгом, но сейчас же тревожно прибавила: — А в театр ты с нами ведь поедешь?

— Нет, — сказал Чемезов, поддразнивая ее, — не поеду!

— Ну вот! — воскликнула Зина с упреком и разочарованием.

Мери тоже на одно мгновение кинула на Чемезова тревожный взгляд, но сейчас же равнодушно отвела его.

— Не дурачься, Юрий! — сказала Елена Николаевна, не любившая обмана даже в шутках. — Зачем ты ее дразнишь? Успокойся, Зина: он поедет! — И она улыбнулась, говоря это Зине, но мельком взглядывая на Мери, тревожный взгляд которой уже подметила и огорчать которую ей совсем не хотелось.

Чемезов с чувством приятного спокойствия, всегда охватывавшего его в семье сестры, опустился в мягкое, глубокое кресло, нарочно пододвинутое для него Еленой Николаевной.

Он с удовольствием смотрел и на спокойно улыбающуюся ему Héлène, и на тонкое, красивое личико Мери, нечаянно забывшейся и нежно смотревшей на него своими прекрасными синими глазами, и на сияющую жизнью и беспричинной молодой радостью Зину, и на самую даже комнату с ее мягкой, удобной, темной мебелью — на все это, так знакомое и милое ему, где он невольно отдыхал после своего тяжелого рабочего дня.

Чемезову «семья» — своя или чужая — всегда представлялась именно такою, какой он видел ее у Héлène. Ему казалось, что в настоящем, хорошем семейном доме все — и дети, и хозяйка, и квартира, и уклад жизни, и даже самая прислуга — все должно было быть точь-в-точь таким, как это было у Héлène.

Не только в образе жизни, но даже и в самой обстановке дома Олениных не было ничего, рассчитанного на показ, на внешний эффект. Жизнь их текла спокойно, приятно и разумно, согласуясь с потребностями и вкусами каждого из них; все управлялось одной заботливой рукой, но давление ее было так мягко и умело, что никого не оскорбляло, и его почти не замечали те, на кого оно распространялось.

Елена Николаевна не любила ничего пестрого, мишурного; она обставила свой дом красиво, но солидно; мебель везде была прекрасная и удобная, но не яркая и не нарядная на первый взгляд. Все вещи были хорошие, но не было ни одной, которая кричала бы и бросалась в глаза. Главным украшением служили роскошные цветы, к которым у Елены Николаевны была настоящая страсть. Несмотря на темный, по преимуществу, цвет обоев и обивки, все комнаты были полны воздуха и света, и в каждом уголке, на каждой вещице лежал отпечаток заботливой, любящей

женской руки, и это придавало какую-то особенную прелесть и уютность, обаянию которых невольно поддавались все, кто был в доме близок.

— Аркадий сегодня что-то запоздал! — сказала Елена Николаевна, взглядывая на часы и замечая, что уже десять минут седьмого.

— Нет, я уверена, уверена, — с отчаянием закричала вдруг Зина, — что он непременно задержит нас и мы из-за него опоздаем в театр! Нет, ты подумай только, Юрий, кого мы увидим сегодня! Леонтьеву! Саму Леонтьеву!

— Величайшее событие! — сказал Чемезов ее же восторженным тоном. — Я по этому поводу даже всех служащих распустил тремя часами раньше!

— Ну вот, ты всегда так! — сказала Зина полусмеясь-полуобижаясь. — Конечно, это не событие, ну а все-таки... все-таки событие! Для меня, по крайней мере: я уж целую вечность жду не дождусь, когда увижу ее!

Между тем девочки Елены Николаевны, услышав дядин голос, с радостным криком вбежали в комнату, и все три, облепив его со всех сторон, с детским, захлебывающимся смехом рассказывали все вместе что-то о сломанной старой кукле, которую няня приняла за новую.

Наконец в передней раздался звонок.

— А, ну вот и Аркадий! — сказала, разом просяв, Елена Николаевна и, быстро оставив работу, встала навстречу мужу.

Аркадий Петрович, вытирая на ходу усы и бороду, вошел тем торопливым шагом, которым ходят запоздавшие люди, знающие, что их давно уже ждут. Он весело со всеми перездоровался, перецеловал всех с визгом бросившихся к нему девочек и с какой-то

нежной, точно осторожной, лаской обнял жену, изъяснив при этом большое удовольствие по поводу того, что «вся семья в сборе», как выразился он с легким ударением на слове «вся».

Елена Николаевна заторопилась с обедом: им надо было потом еще переодеваться, и она боялась, как бы и действительно не опоздать. Все общество перешло в столовую, ярко освещенную большою, висевшей над изящно сервированным столом лампой и казавшуюся еще уютнее и комфортабельнее других комнат.

Девочки, обедавшие раньше, ушли, и Елена Николаевна посадила брата подле Мери.

Чемезов прекрасно замечал все эти невинные проделки сестры, но они не раздражали его, как бывало прежде, а скорее только забавляли, порождая к ней какое-то теплое и несколько насмешливое чувство.

Мери, уже одетая для театра в гладкое белое суконное платье, сидела подле него такая стройная и изящная, что он невольно взглядывал на нее порой, любуясь тонким профилем ее прекрасной головки, с темными, гладко причесанными волосами, низко, красивым узлом заложенными на изящной линии ее шеи. Во всей ее фигуре и движениях, мягких и несколько медленных, было столько женственно-го и вместе с тем строго выдержанного и породистого, что она казалась почти холодной, и только светлые глаза ее, изредка поднимавшиеся тихим взмахом ресниц, светились мягким, нежным блеском, в контраст общему спокойному выражению ее лица, как бы застывшего в своей строгой, правильной красоте.

Разговаривая с Аркадием Петровичем о последних новостях в министерстве, интересовавших обоих мужчин, но дам оставлявших совершенно равнодуш-

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Крестовская Мария АРТИСТКА

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *В. Лебедева*
Технический редактор *Л. Симицына*
Корректоры *О. Левина, В. Макогоненко*
Верстка *В. Дёмин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.02.2026.
Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура «Lazurski».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,8.
Тираж 2000 экз. T-LNM-41267-01-R Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри Fiction	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри Fiction тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Әл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Әл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылманың сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

